

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

МЕЖДУРЕЧЬЕ

ЗАГАДОЧНЫЕ ШУМЕРЫ • III ДИНАСТИЯ УРА • ВЕЛИКИЙ ВЛАДЫКА
ВЕЧНОГО ВАВИЛОНА • БОГИ ДРЕВНЕГО ДВУРЕЧЬЯ
• «ГЛИНЯНЫЕ КНИГИ» • КАК РАСПОЗНАТЬ ВОЛЮ БОГОВ

Загадки истории (Фолио)

Андрей Домановский

Загадки истории. Междуречье

«ОМІКО»

2018

УДК 94(35)

Домановский А. Н.

Загадки истории. Междуречье / А. Н. Домановский — «ОМІКО»,
2018 — (Загадки истории (Фолио))

ISBN 978-966-03-8151-3

Междуречье, древние шумеры, жители библейского Вавилона... О них хотя бы понаслышке знает каждый. Ведь эти люди первыми в истории человечества начали обрабатывать землю, строить оросительные каналы, изобрели письменность и то, что мы сегодня называем словом «государство». Но как они этому научились? Многим из нас кажется невероятным, что люди научились всему сами. А может быть, им кто-то помогал, например, так часто упоминаемые на глиняных табличках Ануннаки? Кто они, боги или, как считают некоторые исследователи, гости из других планет? О том, кто такие Ануннаки и как жили древние жители Междуречья, и рассказывает наша книга.

УДК 94(35)

ISBN 978-966-03-8151-3

© Домановский А. Н., 2018

© ОМІКО, 2018

Содержание

Загадочные шумеры, или Когда и как родились первые города-государства Двуречья	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Николаевич Домановский

Загадки истории. Междуречье

© А. Н. Домановский 2018

© А. В. Нотова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2007

* * *

Не оказывай благодеяния, господин мой, не оказывай!

Подымись на холмы разрушенных городов. Пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто владыкой добра?

Разговор господина со свои рабом,

около X в. до н. э.

(перевод В. В. Струве)

...такое всеобъемлющее забвение, какое принесли тысячелетия древним цивилизациям, которых уже никто не помнит. Древним культурам, от которых сейчас осталось только труднопроизносимое название места или расшифрованный, помпезный титул – Повелитель Всей Земли – на обломке глиняного горшка.

Гай Гевриэл Кей. Тигана

*Легко проделав путь обратный
К шумеру с бородой квадратной,
Учи историю, дитя,
Через столетия летя,
Через столетия вприпрыжку,
Как через тоненькую книжку,
Через Египет, Вавилон,
Подъем, падение, полон
Лети, орудуя веками,
Эпохами, материками,
Мирами всеми, чтоб потом
С великим постигать трудом
Сердцебиение и вздохи
Одной-единственной эпохи.*

Лариса Миллер

Он услышал тихий взрыв, и почувствовал нездешний сладкий запах, и увидел далеко, и страшно, и маняще-маетно леса и Волгу, и не наше море, и звезду над белыми песками, и давние народы, и будущие времена, и дерево самишит стояло неподвижно, как мираж на каменистом пути, и, как мираж, пропало.

Михаил Анчаров. Самишитовый лес

Загадочные шумеры, или Когда и как родились первые города-государства Двуречья

*Когда небеса отошли от земли, вот когда,
Когда земля отошла от небес, вот когда,
Когда семя человечества зародилось, вот когда,
Когда Ан забрал себе небо, вот когда,
Когда Энлиль забрал себе землю, вот когда,
Когда Эрешигаль подарили Куру,
«Большой Земле», вот когда...*

Сказание о Гильгамеше и дереве хуллипу

*После того, как царственность низошла с небес,
Эреду стал местом царственности...*

Царский список

*О дом Шумера, да будут полны твои стойла,
Да умножатся стада твои,
Да будут полны овчарни,
Да будут бесчисленны стада твоих овец.*

Сказание о Энки и Шумере

Двуречье, Междуречье, Месопотамия – так называли в разные времена эту древнюю страну, располагавшуюся между реками Тигр и Евфрат, на территории современных Сирии, Турции и, прежде всего, Ирака. Это современное название дали ей обосновавшиеся здесь в VII в. н. э. арабы, до этого же древние евреи называли ее Сennaар, что обозначает «Двуречье», а древние греки – Месопотамия, то есть «Междуречье». На севере эта страна подходит к Армянскому нагорью, на юге простирается до Персидского залива, с востока ее подпирают кряжистые отроги иранских гор Загроса, а на западе ограничивает безводная сирийская степь и холмистая Аравийская пустыня.

Как видно уже из самого названия, одним из важнейших факторов в процессе обособления этого обширного исторического восточного региона, одного из древнейших очагов становления человеческой цивилизации, стали две великие реки. Эти два могучих потока, протекавших в древности почти параллельно, уже тогда стали называть «реками-близнецами». Подобно Нилу для Египта, Тигр и Евфрат были для Месопотамии теми кровеносными сосудами, которые наполнили жизнью организм возникших здесь первых государственных образований. Подобно тому, как Древний Египет был даром Нила, Древняя Месопотамия с ее цивилизацией стала даром Евфрата и Тигра.

Две реки, названия которых восходят еще к древнешумерским словам Бурануну и Идигна, были столь же схожи, сколь и различны между собой. Обе они текли с севера на юг, беря свое начало в Армянских горах и впадая в Персидский залив, обе несли животворную влагу и плодородный ил, пластами откладывавшийся во время разливов на широкой плоской

аллювиальной (то есть образованной из наносных отложений) равнине, которую представлял из себя юг страны.

Евфрат брал свое начало на высоте 2 тыс. метров над уровнем моря несколько восточнее Эрзерума и плавно нес свои величественные воды на запад, к Средиземному морю и, не дойдя до него всего около 200 км, поворачивал на юго-восток. Его протяженность составляла более чем 2 600 км, а течение его голубоватых вод было неспешным. Глубина реки была незначительной, редко превышая даже на самой середине потока 3 метра. На юге, в своем нижнем течении, Евфрат разделялся на несколько русел. Наиболее значимыми были два из них – восточное, носившее название Итурунгаль, и западное, собственно сам Евфрат. Отдельно следует назвать отходивший к юго-востоку канал И-Нина-гена.

Берега реки были низкими, вследствие чего во время разливов вода покрывала большие пространства и подолгу, по полгода – с середины апреля, когда в горах Армении начиналось таяние снегов, вплоть до сентября – застаиваясь на них. Древнеримский географ Страбон так описывал разлив этой реки: «Евфрат в начале лета наводняется от снегов Армении, которые начинают таять с течением весны. От этого поля заливаются водой и обращаются в болота, если только потоки ее не отводятся рвами и каналами, как воды Нила в Египте. Вот почему здесь прорыты каналы. На поддержание их в порядке требуется много труда, так как земля здесь низкая, мягкая, она легко смывается водою, поля обнажаются и каналы наполняются грязью, которая и закрывает их устья. Тогда опять происходит наводнение, образуются озера и болота, зарастающие тростником... Совершенно устранить подобные наводнения, вероятно, невозможно, но каждый хороший правитель обязан помочь бороться с ними. Помощь эта состоит в том, что сильный разлив удерживается плотиной, а наводнение из-за скопления ила в канале – очисткой их от грязи и открытием устья. Очистка – дело легкое. Устройство плотины требует много рабочих рук...»

К востоку от Евфрата протекал Тигр, истоки которого находятся несколько южнее озера Ван. Эта река существенно короче Евфрата – ее длина составляла около 1850 км. Зато Тигр был вдвое более полноводным, его течение было более бурным и быстрым, а во время стремительных разливов и разрушительным. Размывая и обрушивая берега, намывая отмели, меняя направление русла, нес он свои мутные, желтовато-бурые воды на юг. Разливался Тигр раньше Евфрата, в марте-апреле, когда в горах Армении шли обильные дожди. Разлив при этом всегда был неравномерным и зачастую нерегулярным, речные берега были обрывистыми и пустынными вплоть до впадения в Тигр его восточного притока – реки Диялы, где условия для создания рукотворного речного орошения были наиболее пригодны.

Русла Тигра и Евфрата время от времени заиливались, уровень дна существенно поднимался, и после очередного разлива русло могло значительно измениться – Евфрат и Тигр блуждали по мягкой аллювиальной равнине. Вследствие этого одни, ранее засушливые пустынные местности, могли переживать неожиданные наводнения, а места, где ранее протекала полноводная река, становились заросшими высоким тростником мелководными озерами и кишачицами назойливыми насекомыми солончаковыми болотами, которые постепенно пересыхали и превращались в непригодную для жизни человека пустыню, покрытую мертвящей коркой высушенной на солнце соли.

В древности обе великих реки имели собственные устья и впадали в Персидский залив по отдельности, а сама Месопотамская долина была значительно меньше по протяженности с севера на юг. Однако постепенно как Тигр и Евфрат, несшие ил с северо-запада, так и эламские реки Карун и Керхе, также впадавшие в залив, но с северо-востока, намыли аллювиальный барьер, увеличивший площадь равнины в южном направлении приблизительно на 120–150 км. Сейчас же Тигр и Евфрат приблизительно за 110 км до впадения в Персидский залив сливаются в общее русло реки Шатт-эль-Араб (*араб.* «Арабский берег»). Среди геологов, впрочем, бытует и иное мнение, согласно которому отложение ила в дельтах рек компенсировалось проседанием

коренной породы, вследствие чего береговая линия существенно не менялась и в общих чертах по сей день соответствует древней.

В любом случае следует отметить, что южная (нижняя) часть Месопотамии уже в древности выделялась в особую географическую зону, существенно отличавшуюся от северной (верхней) ее части. Граница между двумя регионами страны проходила приблизительно по 43-му меридиану. Именно Южная (Нижняя) Месопотамия стала местом зарождения одной из древнейших цивилизаций в истории человечества. В научной литературе ее иногда называют Двуречьем (или Южным Двуречьем), с целью обособить от Междуречья, то есть собственно Месопотамии. В дальнейшем мы будем использовать все три названия – Месопотамия, Междуречье, Двуречье – как синонимы, однако речь будет идти преимущественно и прежде всего о южной части страны. Иногда Южную Месопотамию, или Двуречье, называют также Вавилонией.

Двуречье было заселено людьми уже к VI тыс. до н. э. Его древнейшим населением стали шумеры, происхождение которых остается загадкой для современной науки. Откуда они пришли, точно неизвестно по сей день, однако согласно легенде, сохранившейся в литературном наследии Месопотамии, первоначально шумеры обитали на островах Персидского залива, откуда постепенно перебрались на материк. Так, известны тексты начала II тыс. до н. э., называющие местом зарождения жизни остров Дильмун (современный Бахрейн), который был райским краем вечного блаженства и процветания, где люди не знали горя, скорби, старости и смерти.

Именно шумерский народ дал название приморской, южной части Двуречья (Нижней Вавилонии) – Шумер, пределы которого доходили до черты чуть выше города Ниппура. Пространство своего обитания они называли «Ки-эме-гир», что можно перевести как «земля благородного языка», и, видимо, в искаженном виде – Шумер – это слово стало использоваться для обозначения страны на юге Двуречья. Местность, где располагался храм общешумерского бога Энлиля, получила название «ки-эн-ги(р)», и это, возможно, также могло быть источником интересующего нас топонимического обозначения. Северная же часть Двуречья получила со временем название Аккад, по названию города Аккада (Аккаде, Агаде) – политического, религиозного и культурного центра аккадских семитов, основанного в XXIV в. до н. э. Саргоном-Шаррумкеном (2316–2261 гг. до н. э.).

При этом следует учитывать, что называть народ, заселивший к началу III тыс. до н. э. древнее Двуречье, «шумерами» можно условно (это название, как уже упоминалось выше, является производным от названия территории проживания этих древних людей). Сами шумеры, по мнению современных исследователей, не выделяли себя из среды других жителей заселенной ими страны и называли себя «черноголовыми» (по-шумерски «санг-нгига», по-аккадски «цальмат-каккади»). Самоназвание вполне соответствовало действительности – это были смуглые приземистые люди, круглолицые, с черными волнистыми, вьющимися или курчавыми волосами, выступающим носом арменоидного типа. Крепкие и коренастые, они были несколько склонны к полноте, имели обильный волосяной покров на теле и лице, который, впрочем, тщательно сбривали, предпочитая ходить лысыми.

Климат Двуречья был крайне малоприспособлен для жизни человека. В течение полугода, начиная уже с середины марта и вплоть до конца ноября, здесь стояла адская жара, когда температура не опускалась ниже +30°, а иногда поднималась и до +50° по Цельсию. В течение семи-восьми месяцев не выпадало ни капли дождя, частыми были песчаные бури, безжалостно иссекавшие все живое ударами бесчисленных песчинок и покрывавшие землю смертельным саваном. Не менее мертвящей стихией было море, горько-соленые воды которого, нагонявшиеся муссонными ветрами из Персидского залива, попадали в устья Тигра и Евфрата, заполняли лагуны, прибрежные мелкие озера и болота, окончательно уничтожая всякую возможность для сколько-нибудь урожайного земледелия в прибрежных районах. Жаркое засушливое лето сменялось ветреной зимой, которая длилась с ноября по февраль, во время которой нередкие ура-

ганные дожди сметали все на своем пути. Над заболоченными, заросшими тростником озерами реяли мириады кровососущих насекомых, здесь также водилось около 50 видов ядовитых змей. Затхлый болезнетворный тяжелый воздух и болотная лихорадка дополняли эту и без того безрадостную картину.

Чтобы выжить, первые поселенцы Южной Вавилонии должны были сразу же после своего прихода проводить простейшие ирригационные и мелиоративные работы, осушать заболоченные местности и, наоборот, подводить воду для нуждавшихся в орошении пересыхавших полей. Это позволяет исследователям полагать, что пришельцы изначально имели опыт сооружения плотин и каналов, приобретенный в месте изначального проживания. Скорее всего, первоначально такого рода работы сводились к отводу воды с залитых во время разлива полей для дальнейшего их засева и сбора урожая. Видимо, первопоселенцы прибыли на юг Двуречья из соседнего Элама (Иранское нагорье), где уже имели некоторый опыт создания каналов в долинах рек Карун, Керхе и Диз, а также через долину реки Диялы, впадавшей в Тигр с востока. Археологические, лингвистические данные и сведения письменных источников позволяют также проследить их связи с загадочной протоиндийской цивилизацией Аратты на полуострове Индостан.

Имевшихся у первых людей, прибывших в низовья Тигра и Евфрата, навыков едва хватало для выживания в суровом климате Южного Двуречья, и на протяжении VI–IV тыс. до н. э. обосновавшиеся здесь племена жили, вероятно, весьма небогато. Урожаи ячменя, составлявшего их основной рацион, были небольшими и крайне неустойчивыми, плодородный год сменялся неурожайным, природа с легкостью уничтожала разгулом своих стихий плоды упорного человеческого труда. Лишь к последней четверти IV тыс. до н. э. была создана состоявшая из сложного сплетения каналов, плотин и водохранилищ ирригационная система, позволившая резко повысить урожайность. Местные жители путем многочисленных проб и ошибок, тысячелетнего накопления опыта пришли к наиболее оптимальной при тогдашнем уровне развития общества и техники схеме, при которой вода во время разливов отводилась по каналам в водохранилища, откуда затем несколько раз подавалась на поля для стабильного орошения в течение всего периода созревания будущего урожая. Вследствие этого урожайность ячменя, который был основой рациона местного населения – из него варили пиво, из ячменной муки пекли лепешки, резко возросла и составляла к концу IV тыс. до н. э. «сам = 36», «сам = 50», а в урожайные годы даже «сам = 80». Максимальная урожайность, засвидетельствованная документами хозяйственной отчетности, составляла «сам = 104,5».

Помимо ячменя, важнейшую роль в хозяйстве местного населения играла финиковая пальма. Упомянувшийся уже Страбон писал: «Страна эта производит ячмень в таком количестве, как никакая другая... все остальное дается пальмой (финиковой. – А. Д.), именно из нее готовят хлеб, вино, уксус, мед, муку и всякого рода плетеные сосуды. Орехи пальмовые служат для кузнецов вместо углей, а размягченные – дают корм для скота, как для быков, так и для овец... Говорят, есть даже какая-то персидская песня, в которой насчитывается триста шестьдесят употреблений пальмы». Поэтому финиковая пальма почиталась как священное дерево, именно она фигурировала в представлениях шумеров как «дерево жизни», ее изображения правители дарили храмам и посвящали богам. Так, «правитель Ларсы Гун-Гунум во втором году своего царствования пожертвовал богу солнца Шамашу две бронзовые пальмы». Финиковая пальма была окультурена в глубокой древности. Показательно, что не было обнаружено ни одного ее дикорастущего вида.

Из других растений региона следует назвать сезам (кунжут), из которого давили масло для культовых ритуалов и умащения, и тамариск, дававший сладкую смолу. Выращивали одну из разновидностей сорго под названием *дурра*, полбу, в меньшей степени пшеницу. Богатой была местная фауна – поросшие тростником болотистые местности были изобильны птицей, реки и озера кишели рыбой, восточные предгорья были населены козами и овцами (муфло-

нами), а на юге водились дикие свиньи, которые были одомашнены уже в глубокой древности. Из одомашненной птицы (документы упоминают о птичниках) были известны утки, гуси, куропатки, птица *kurku*, от названия которой происходит привычное нам русское «курица» или еще более близкое по произношению украинское «курка».

Главными природными богатствами, при практически полном отсутствии таких важнейших материалов как дерево, камень и металлы, были качественная глина и тростник. Из глиняных кирпичей-блоков, высушенных на солнце, строили примитивные тесные хижинки бедняков и просторные жилища знати, величественные храмы и роскошные дворцы правителей. Глина служила для изготовления посуды, орудий труда, детских игрушек. Наконец, из нее изготавливали глиняные таблички, или, как их еще называют, таблетки, служившие материалом для письма. Значение глины в хозяйстве было столь велико, что вполне закономерно древнейшие месопотамские мифы рассказывали о том, что первый человек был вылеплен богами из глины. Вот как известный историк, исследователь Двуречья, Д. Г. Редер пересказывает древнейшую шумерскую версию мифа о сотворении мира и людей: «Энки откликнулся на призыв своей праматери. Он вышел из бездны вместе с богиней земных недр Нинмах, и следом за ним двинулась толпа добрых и бравых горшечников, несущих комья глины.

„О мать Нинмах! – обратился он к богине земных недр. – Сотвори же живые существа, которые имеются уже в зародыше и таятся в комьях глины, вынесенной мною из глубины бездны. Мои добрые brave горшечники будут мешать глину, а ты создашь члены новых существ, придашь им облик богов и определишь их судьбу!“».

После нескольких неудачных попыток вылепить человека, приводивших к созданию неполноценных, хилых и увечных творений, богам наконец удалось создать желаемое: «Снова принялся Энки за дело и трудился медленнее и тщательнее. На этот раз он добился удачи и слепил сильных и разумных мужчин и женщин, во всем подобных богам. Только бессмертия они были лишены и должны были безропотно и смиренно служить великой семье богов и богинь и помогать божественной деве Ашнан и ее брату Лахару доставлять в храмы пищу и питье. Каждый раз, когда люди пытались действовать самостоятельно и добиваться того, что недоступно для них, бессмертные боги безжалостно смиряли их». Интересно, что люди были созданы именно для того, чтобы обслуживать богов и удовлетворять их потребности, прежде всего в пище и питье. Праматерь всего сущего Намму, призывая своего сына Энки создать людей, обращалась к нему с такими словами: «О мой сын, не спи, подымись со своего ложа! Сотвори премудрое, избавь богов и богинь от страданий! Пожалей своих детей и внуков, которых мучат голод и жажда! Создай для них слуг, которые будут заботиться о своих господах! Сотвори людей, которые будут слабее богов и безропотно станут на них работать!»

Помимо глины важнейшим материалом был тростник, в изобилии произрастававший в Двуречье. Тростником укрепляли стенки каналов и стены домов, из него строили плетни и заборы, изготавливали простейшую мебель и плели циновки. Его же использовали в качестве чуть ли ни единственного доступного топлива. Бедняки в своих домах спали и сидели на вязанках тростника, из него изготавливались лодки и даже строились оборонительные стены городов.

Так на рубеже IV–III тыс. до н. э. резко возросшая продуктивность труда вместе со всесторонним освоением природных ресурсов региона привела к появлению предпосылок для формирования государственных образований, к созданию первых в истории Южной Вавилонии городов-государств с центрами в виде храмов того или иного бога. Жители множества мелких поселений постепенно переселялись поближе к центрам небольших сельскохозяйственных регионов, которые по-шумерски назывались «ги» или «ки» (переводится как «земля», «место»), а в научной литературе нередко, по аналогии с Древним Египтом, называются «ном». Обычно пунктом притяжения выступал при этом крупный храмовый комплекс с его богатыми запасами. Так возникал город или, точнее, три-четыре связанных между собой городских посе-

ления, одно из которых считалось главным. Сам город при этом обозначался как «уру», что обычно и переводят как «город». Конечно, до полного переселения всех окрестных жителей в единственный город дело не доходило хотя бы потому, что концентрация населения в одном поселении не позволила бы эффективно обрабатывать уже освоенные плодородные равнины за пределами 15-километровой зоны вокруг города и ее пришлось бы бросать.

В итоге в начале III тыс. до н. э. в Южной Вавилонии возникло несколько городов-государств, расположенных на возвышавшихся над равниной холмах и обнесенных стенами. Население таких центров не превышало 40–50 тысяч человек, а по своему внешнему виду, планировке улиц, хозяйственной жизни и административному управлению они мало чем отличались от более ранних сельских поселений. Единственными визуально заметными отличиями были уже упоминавшиеся стены, опоясывавшие город со всех сторон, и располагавшиеся в его центре крупные храмовый комплекс и дворец правителя. В остальном же городское поселение, занимавшее территорию около 2–4 км², состояло из тысяч обычных одноэтажных глинобитных хижин, расположенных вдоль узких улочек, ширина которых не превышала 3 м, а иногда и едва достигала 1,5 м.

Так началась история шумеров, продлившаяся около тысячи лет – с XXX по XX вв. до н. э. В шумерологии это тысячелетие принято делить на несколько этапов: Протописьменный период, Раннединастический период, Аккадское царство, эпоха кутиев, III династия Ура. Протописьменный период охватывал XXX–XXVIII вв. до н. э. Именно в это время шумеры заселили Южное Двуречье, построили первые города и храмы, изобрели простейшую форму письменности. Раннединастическую эпоху разделяют на три подпериода: Первый раннединастический период, когда произошло возвышение города-государства Киш (ок. 2750 – ок. 2615 гг. до н. э.); Второй раннединастический период, во время которого усилился город-государство Урук (библейский Эрех) (ок. 2615 – ок. 2500 гг. до н. э.); Третий раннединастический период, на который пришелся подъем города-государства Ур (ок. 2500 – ок. 2315 гг. до н. э.). На третий этап приходится начало кровопролитных войн местных шумерских правителей за власть над Двуречьем. Победителями в противостоянии оказываются правители Аккада, господство которых длится в течение периода правления династии Аккада (XXIV – начало XXII вв. до н. э.). Вслед за этим в страну вторгаются дикие племена кутиев, которые правят страной около столетия, до XXI в. до н. э. Завершает шумерскую историю эпоха III династии Ура (XXI–XX вв. до н. э.), печально прославившейся попыткой построения казарменного государства, пытавшегося контролировать, регулировать и учитывать все жизненные процессы общества. Вслед за ней, после периода I династии Иссина и аморейского нашествия последует уже эпоха созданного Хаммурапи Вавилонского царства.

Важнейшими городами-государствами Южного Двуречья первой трети III тыс. до н. э. стали Эреду, Ур, Урук, Ларса, Лагаш, Умма, Шуруппак, Иссин, Ниппур и Киш. Город Эреду (в переводе – «Добрый город») с храмом в честь бога Энки находился на крайнем юго-западе страны, на берегу «волнующегося моря», где ныне расположено городище Абу-Шахрайн. Именно с этим городом было связано предание о рождении шумерской цивилизации и, согласно более поздним легендам, он был древнейшим политическим центром шумеров. Именно сюда они якобы переселились с острова Дильмун в Персидском заливе. Но уже в самом начале III тыс. до н. э. жители покинули Эреду, перебравшись в города Ур и Урук. Город Ур с храмом в честь бога луны Нанны, сыгравший важнейшую роль в шумерской истории, был расположен на юго-западе равнины, в дельте Евфрата. Севернее, также на берегу этой великой реки, располагалась Ларса, и на север за ней – Урук с храмами в честь бога неба Ану и богини любви Иштар, а также Шуруппак. Именно из Шуруппака происходил, согласно легендам, Зиусудра (Утнапиштим) – герой мифа о великом потопе. На Тигре и каналах, с юго-востока на северо-запад, последовательно располагались Гуаба, Гирсу, Лагаш (Ширпула) и Умма.

Исключительную роль среди городов играл Ниппур, находившийся практически в центре Двуречья, там, где русла Тигра и Евфрата максимально сближались. Именно в Ниппуре находилось важнейшее для всего Шумера святилище бога Энлиля, что и придавало значимости самому городу, который, по всей видимости, никогда не был центром самостоятельного государственного образования. Наконец, в северной части Двуречья на берегу Евфрата располагались города Киш с храмом бога-воина Забабы и Сиппар с храмом солнечного бога Уту, а за пределами Вавилонии – город Эшнунна у восточного притока Тигра реки Диялы, обеспечивавший стране торговлю с Востоком, и будущая столица Ассирийского государства город Ашшур, через который шла торговля с северными областями Месопотамии. Отдельного упоминания заслуживает также находившийся на среднем течении Евфрата город Мари, который хоть и находился далеко за пределами собственно Двуречья, однако был тесно связан с историей этой страны. Так, составленные в III тыс. до н. э. списки царских династий упоминают о династии из этого города, которая некогда якобы правила всей Южной Месопотамией.

Центром и основой каждого города-государства Двуречья был храм главного городского божества. Храмы выполняли две важнейшие функции в жизни шумерского общества, а именно: сбор, накопление и хранение продовольственных запасов, необходимых на случай неурожая или войны, а также создание обменного фонда товаров для организации международной торговли. По поручению храмового руководства специальные торговые агенты, так называемые тамкары, отправлялись обменивать местные зерно и ткани на столь необходимые металлы, строительный лес, рабов и рабынь. Кроме того, накопленные запасы использовались для жертвоприношений и содержания храмовой администрации и работников.

Во главе города-государства стоял властитель, имевший титул *энси* («господин, закладывающий угловой камень», самостоятельный владыка, бывший изначально жрецом-строителем) или *лугаль*, *лу-галь* («большой человек», «хозяин», бывший, скорее всего, выборным вождем-военачальником). *Энси* отвечал за отправление общинного культа, а также руководил строительством храмов и ирригационных сооружений, в связи с чем его нередко изображали несущим на голове корзину со строительными материалами, и отвечал за сбор налогов в пользу храма. Реже он мог возглавлять храмовые военные отряды. В связи с тем, что должность энси была выборной, его правление называлось «черёдом».

Лугаль представлял из себя более значимую фигуру, чем энси, и прежде всего был верховным правителем крупного города или объединения городов и военачальником. Его власть первоначально ограничивалась такими институтами общинного самоуправления, как совет старейшин и народным собранием всех свободных полноправных общинников-воинов, однако постепенно становилась более независимой и самостоятельной и, в итоге, превратилась в наследственную царскую должность. Со временем возникла идея о царе как избраннике богов, воля которого является священной и непогрешимой, а любой направленный против него поступок – святотатством и грехом, причем направленным не только и даже не столько против земного правителя, сколько против небесных божеств.

В конце III тыс. до н. э. шумеры составили так называемый «Царский список» – перечень властителей, правивших городами Двуречья от сотворения мира, момента, когда «царственность сошла с небес». Хронологически список разделен на две части: «до Потопа», когда правили восемь полумифических властителей, и «после Потопа», когда «была ниспослана с небес царская власть». Цари, стоявшие во главе одного города, условно объединялись в списке в одну династию. Так было создано подобие последовательной истории Вавилонии, однако при этом многие правители явно были вымышленными, а династии, поданные как правившие последовательно, на самом деле правили одновременно и параллельно.

Между городами-государствами Двуречья шла упорная и жестокая борьба за власть над страной. На первом этапе Раннединастического периода в этом противостоянии победил властитель города Киш. Согласно шумерским преданиям, именно один из правителей этого

города по имени Этана стоял у истоков «царственности» в Шумере. Этот мифический герой, согласно свидетельствам аккадаской поэмы «Полет Этаны», якобы поднимался на небо, где хотел добыть «траву рождения», «на крыльях орла»: «Этана прижался к орлу, сжав руками концы его крыльев, и орел полетел со своей тяжелой ношей. Они мчались уже целый час, и орел сказал Этане: „Посмотри вниз, какой стала земля?“ Взглянул Этана вниз и увидел, что земля стала словно горка, а мир словно колодец. Пролетели они другой час, и вновь взглянул Этана вниз: земля стала подобно жернову для размолы зерна, а море подобно квашне, в которой замешивают тесто. Прошел третий час, и земля уподобилась пылинке, а великого моря не стало видно совсем».

«Царский список» свидетельствует: «Этана, пастух, тот, кто вознесся на небеса, тот, кто объединил все страны, стал царем и царствовал 1560 лет...» Киш был столь могущественным городом, что столетия спустя многие властители стремились получить в свою титулатуру звание «лугаля Киша», обозначающее, по всей видимости, верховного правителя всего Двуречья и «лугаля сил» (то есть «лугаля воинств»), а также «царя-гегемона» («царя вселенной»), стоявшего выше обычных правителей отдельных городов.

Первым реальным лицом I династии Киша исследователи считают лугаля Эн-Менбарагеси, поскольку он упоминается не только в содержащем вымышленные имена «Царском списке», но и в коротких надписях в три-четыре строчки: «Эн-Менбарагеси, лугаль Киша». Известно, что этот правитель воевал с городами Элама, страны в бассейнах рек Каруна и Керхе, граничившей с Двуречьем на востоке. «Царский список» сообщает: «Эн-Менбарагеси, тот, кто захватил в качестве трофея оружие страны Элам, стал царем и царствовал 900 лет...» При этом обе надписи с упоминанием Эн-Менбарагеси происходят из долины реки Диялы, через которую лежал путь в эламскую область Аван, что подтверждает историческую достоверность свидетельств «Царского списка» о войне Киша с Эламом.

Эн-Менбарагеси передал власть своему сыну по имени Агга или Акка, который, помимо «Царского списка», известен также из сюжета эпической песни «Гильгамеш и Агга» о войне Киша с Уруком. Согласно этому преданию, записанному тысячелетием позже, Агга попытался подчинить Кишу находившийся на юге город Урук, потребовав от тамошних жителей принять участие в масштабных ирригационных работах. Урукский совет старейшин был уже готов покориться могущественному северному лугалю, однако этому воспротивилось народное собрание. Свободные мужчины-общинники, бывшие одновременно воинами (в тексте предания – «юноша города») объявили урукского эна – вождя-жреца – Гильгамеша лугалем и решили под его руководством оказать сопротивление агрессорам из Киша.

Агга выступил против Урука, сплавив свое войско вниз по Евфрату на ладьях, и взял город в осаду:

Не прошло пяти дней, не прошло десяти дней,
[воины] Аки, сына Эн-Менбарагеси, Урук окружили;
разум Урука смешался.

Противостояние завершилось полным поражением Киша. «Киш был поражен оружием; Его царство в Эанну было перенесено», – свидетельствует «Царский список». Эанну – храм в Уруке, следовательно, верховная власть над Двуречьем перешла к Гильгамешу, принадлежавшему к I династии Ура. Победенный Агга был при этом пленен и назначен руководить строительными работами в Уруке. Видимо, это было своеобразной формой унижения поверженного правителя. Датируется случившееся приблизительно концом XXVII в. до н. э., то есть рубежом первого и второго Раннединастических периодов.

Гильгамеш («Бильгамес, чей отец был демон (инкуб), эн Кулабы»), был, согласно «Царскому списку», пятым правителем I династии Урука, первым представителем которой доку-

мент называет легендарного Мескиаггашера, сына солнечного бога Уту и брата богини Инанны. Следует обратить внимание на то, что в поэме о Гильгамеше утверждается, что он получил личную власть верховного военного вождя в обход традиционного властного института – совета старейшин – и даже вопреки ему. Мнению «мудрых старцев», традиционно правивших общиной в позднепервобытном обществе, энергичный герой противопоставил позицию молодых общинников-воинов, получив благодаря их поддержке всю полноту военной власти: «Урук, творение богов, Эанну, храм, низошедший с небес, чьи (составные) части сотворили великие боги, чья великая стена охватывает землю, как туча, возвышенную обитель, основанную Ану, – ты охраняешь ее, ты ее царь (лугаль) и воитель!» Возможно, мы видим здесь также один из первых зафиксированных письменными источниками конфликтов между поколениями, извечную проблему взаимоотношений отцов и детей. Удача в войне с Кишем сопровождала военачальнику Ура, поэтому успешный и решительный полководец укрепил свои позиции, а полученная им власть военного вождя была дополнена неоспоримыми гражданскими полномочиями. Так Гильгамеш сконцентрировал в своих руках всю полноту власти, став не только военным вождем, но гражданским правителем города.

Впоследствии Гильгамеш стал главным героем множества шумерских и аккадских эпических песен, а также известной эпической поэмы «О все видавшем», дошедшей до нас на аккадском языке. Эти источники, помимо совершенно фантастических сведений о жизни и путешествиях Гильгамеша, сообщают также о ряде фактов, которые, возможно, имели некоторую реальную основу. Так, к примеру, они сообщают о походе героя на север, в Сирию, в горы Ливана («Гору бессмертного») за необходимым для строительства кедровым лесом, а также о возведении им вокруг Урука стены. Действительно, как свидетельствуют археологические раскопки, оборонительная стена Урука протяженностью около 9 км была построена именно в это время, в конце XXVII в. до н. э., соединив в один город три существовавших ранее по отдельности поселения – Кулаб, Э-Ану и Уну[г], то есть собственно Урук.

При преемниках Гильгамеша Урук также господствовал над всем Двуречьем или, по крайней мере, над южной его частью. Об этом свидетельствуют таблички архива Шуруппака, сформировавшегося приблизительно столетие спустя после правления Гильгамеша. Согласно информации шуруппакских табличек, этот город входил в состав крупного военного союза общин Нижней Месопотамии во главе с Уруком. Так, Гильгамеш назван в перечне богов Шуруппака наряду с Лугальбандой, одним из более ранних полумифических представителей I династии Урука. В других документах приводится перечисление военных отрядов, расквартированных в разных городах страны – Уруке, Адабе, Ниппуре, Лагаше, Шуруппаке, Умме, Кулабе. При этом гарнизон Урука помещается на первое место и отличается своей многочисленностью на фоне остальных воинских формирований, а часть воинов из Шуруппака несли службу в других городах союза. Известно также о постройках, возводившихся правителями Урука в Ниппуре, Лагаше и других городах Двуречья.

Заключительный, третий этап Раннединастического периода (XXV–XXIV вв. до н. э.), характеризуется возвышением I династии Ура, пришедшей на смену I династии Урука. Это время накопления сказочных в своей роскоши богатств и колоссального имущественного и социального расслоения, а также усиления борьбы городов за гегемонию в Шумере, что обуславливалось необходимостью создания целостной ирригационной системы в пределах всего Двуречья. К этому периоду относится окончательное оформление института лугалья-гегемона, власть которого уже не ограничивалась одним городом и его сельскохозяйственной округой-номом, а простиралась на всю страну, или, по крайней мере, значительную ее часть – северную или южную. На севере такой правитель получил название «лугаль Киша», что было созвучно со словосочетанием «лугаль воинств», на юге именовался «лугалем (всей) страны». Особое значение при этом имело признание претендента на гегемонию верховным правителем

в городе Ниппуре, где находилось древнейшее и высокопочитаемое жителями Двуречья святилище общешумерского бога Энлиля.

Надписи сохранили шесть имен правителей, принадлежавших к I династии Ура: это Мескаламду[г], Акаламду[г], Месанепада, Аанепада, Мескиангнуна, Элили. Помимо ценнейших письменных памятников, раскопки выявили также богатейшие материальные ценности, свидетельствующие как об успешности завоевательных грабительских походов шумерских правителей за пределы Двуречья, так и торговли Южной Месопотамии со многими странами мира, в том числе и весьма отдаленными. Так, из Ирана и Армении в Ур поставляли лазурит, олово и обсидиан, из Сирии – кедры, из Афганистана – лазурит, олово, золото, из Малой Азии – серебро, с полуострова Оман – медь, а из далекой долины Инда – золото, хлопок, яшмовые бусы, камень для изготовления сосудов, печати и обезьян и многое другое, доставлявшееся в Двуречье морскими путем. Богатства правителей Ура были столь значительными, что позволяли претендовать на власть не только в собственном городе, но и в пределах всей страны. Неудивительно, что уже тогда местные властители начинают называть себя не только «лугалиями Ура», но и «лугалиями Киша», то есть они претендовали на власть не только на юге Двуречья, но и на севере страны.

О несметных сокровищах I династии Ура свидетельствуют «царские гробницы» Ура, называемые иногда «великими шахтами смерти». Наиболее известны две из них: погребение лугалья Мескаламдуга и захоронение некой знатной дамы, вероятнее всего, царицы или жрицы, имевшей семитское имя Пу-аби, о котором стало известно благодаря надписи на печати, обнаруженной в могиле. В погребении этой женщины, занимавшей крайне высокое положение в шумерском обществе, был сооружен подземный сводчатый склеп, к которому опускался пологим пандусом ход-дромос. В этом плавно понижавшемся по направлению к склепу коридоре стояли парадные повозки со скелетами впряженных в них волов и погонщиков. Вход в погребальную камеру охраняли костяки пятерых воинов в бронзовых шлемах-шишаках и с двумя копьями в руках. Животные, возничие и охранники были умерщвлены при сооружении захоронения. Судя по всему, они были опоены ядом и усыплены перед тем, как их засыпали землей. Здесь же в дромосе находились скелеты десяти «придворных дам» – служанок и музыкантш, одна из которых держала в руках арфу.

В самой погребальной камере помимо склепа находились скелеты двух ближайших подруг-«компаньонов» царицы. Надев лучшие цветные наряды и украсив откинутые назад волосы серебряными лентами, они должны были сопровождать свою госпожу в потусторонний мир. Всего в погребении Пу-аби находились останки 58 человек из ее свиты. В еще одном похожем захоронении находились костяки не менее 74 человек, из которых 68 принадлежали музыкантам в парадных одеяниях, некоторые из них – с лирами в руках.

Погребальный инвентарь, сопровождавший Пу-аби в мир иной, поражал своей роскошью – парадно украшенные повозки, упряжь с драгоценными украшениями, богато изукрашенное оружие и доспехи – шлемы, копья, кинжалы, инкрустированные лазуритом, перламутром и золотом, серебряные и медные модели лодок, не говоря уже о многочисленных разнообразных драгоценных украшениях – бусах, серьгах, браслетах, подвесках и диадемах. Однако наиболее пышным было погребение самой Пу-аби. Знаменитый британский археолог Леонард Вулли, производивший раскопки этого погребения в конце 1920-х гг., так описал роскошь погребального наряда самой Пу-аби: «В одном углу усыпальницы на остатках деревянных досок лежало тело царицы. Возле ее руки был золотой кубок, а верхняя часть тела совершенно скрывалась под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых и халцедоновых бус. Ниспадая длинными нитями от широкого ожерелья-воротника, они образовали своего рода накидку, доходящую до самого пояса. По низу их связывала кайма цилиндрических бусин из лазурита, сердолика и золота. На правом предплечье лежали три длинные золотые булавки с

лазуритовыми головками и амулеты: один лазуритовый и два золотых в форме рыбок, а четвертый – тоже золотой в виде сидящих газелей».

Головной убор погребенной напоминал те, что носили сопровождавшие ее подруги-служанки, только был гораздо более сложным и крепился на основе широкой золотой ленты, которую можно было носить только на большом парике: «Наверху лежали три венка. Первый, свисавший прямо на лоб, состоял из гладких золотых колец, второй – из золотых буковых листьев, а третий – из длинных золотых листьев, собранных пучками по три, с золотыми цветами, лепестки которых отделаны синей и белой инкрустацией. И все это перевязано тройной нитью сердоликовых и лазуритовых бусин. На затылке царицы был укреплен золотой «испанский гребень» с пятью зубцами, украшенными сверху золотыми цветками с лазуритовой сердцевинкой. С боков парика спускались спиралями тяжелые кольца золотой проволоки, огромные золотые серьги в форме полумесяца свешивались до самых плеч, и, очевидно, к низу того же парика были прикреплены нити больших прямоугольных каменных бусин. На конце каждой такой нити висели лазуритовые амулеты, один с изображением сидящего быка, второй – теленка».

Особого упоминания заслуживают также находившиеся в погребении разного рода золотые туалетные приборы, драгоценная утварь, доска для настольной игры (похожая на нарды) и две арфы, украшенные изображениями золотых и серебряных голов коров и быков с лазуритовой бородой. Поскольку в Шумере бык символизировал воплощение бога луны Нанну, а дикая корова олицетворяла его супругу богиню Нингаль, а сама Пу-аби возлежала на смертном одре как на брачном ложе, некоторые исследователи полагают, что погребение было не просто захоронением знатной жрицы или царицы, а обрядом «священного брака» с лунным божеством. В любом случае, роскошь сопроводительного инвентаря захоронения Пу-аби и других погребений представителей I династии Ура свидетельствуют об исключительном богатстве местной правящей верхушки, как светской, так и духовной знати.

Одновременно с расцветом I династии Ура во время третьего Раннединастического периода происходит постепенное возвышение и ряда других номов, таких как Киш и особенно Лагаш. Этот город-государство располагался в 75 км к северо-востоку от Ура на рукаве Евфрата И-Нина-гене, и именно с ним связаны древнейшие в истории человечества сведения о первом межгосударственном договоре, первых государственных реформах и первом писанном законодательстве. Вместе с тем, древнейшая история Лагаша известна современным исследователям крайне поверхностно. Так, вплоть до начала третьего этапа Раннединастического периода источники предоставляют сведения лишь о двух местных правителях – лугале Энхенгале и энси, подчинявшемся лугалю Месилиму. Новая последовательная династия, условно называемая I династия Лагаша, известна здесь лишь с середины III тыс. до н. э. Первый ее правитель Ур-Нанше (или Ур-Нази) был, вероятно, младшим современником Месанепады в Уре и правил после 2500 г. до н. э. Известно, что Ур-Нанше не отличался знатностью происхождения и был выходцем из маленького села.

Он получил титул лугала и чрезвычайные полномочия в связи с какими-то экстраординарными событиями для реализации неких временных чрезвычайных мер, и уже его сын и внуки лишились этого титула и именовались «энси». Можно предположить, что особые полномочия Ур-Нанше были предоставлены ему для проведения масштабных строительных работ – мы знаем о том, что во время его правления обновлялись, ремонтировались и сооружались новые плотины и каналы, храмы, святилища и городские стены. На одном из сюжетных рельефов того времени Ур-Нанше изображен возглавляющим процессию детей, чиновников и слуг во время торжественной закладки храма, которую лугаль как бы освящал своим присутствием и личным участием в строительстве. На голове сам царь несет корзину с кирпичами, готовясь, видимо, символически заложить первый кирпич в кладку стены будущей постройки.

Уникальность положения Лагаша обуславливалась тем фактом, что по богатству он уступал разве что описанному выше утопавшему в роскоши Уру. Это было возможно благодаря

внешней торговле с Эламом и Индией, проходившей не только через Ур, но и через лагашский порт Гуаба. Уже Ур-Нанше вел активную морскую торговлю с Индией и Эламом по Персидскому заливу. Накопление богатств постепенно подталкивало знать Лагаша к выходу за пределы собственного нома, усиливало типичное для всех остальных шумерских городов-государств стремление подчинить себе все Двуречье. Основным препятствием на пути осуществления этих замыслов был соседний с Лагашем город Умма, располагавшийся несколько северо-западнее, там, где рукав И-Нины-гены отходил от рукава Итурунгаль. По-сути, Умма преграждала лагашцам путь к центру страны, которую те хотели подчинить.

Первые крупные конфликты Лагаша с Уммой приходятся на время около 2400 г. до н. э., когда энси Эаннатум, внук Ур-Нанше, вступил в конфликт с Уммой за плодородные территории в местности Гуэден, издавна разделенные между двумя номами еще третьей судом Месилима, лугаля города Киша. При этом правитель Уммы энси Уш опирался на поддержку Киша, который, видимо, был в то время формальным гегемоном региона, в связи с чем Эаннатуму пришлось нелегко, война с уммитами была трудной и кровавой, забрав тысячи жизней с обеих сторон.

Об этом противостоянии Лагаша и Уммы сообщает надпись на глиняном цилиндре, так называемом «Конусе Энметены», в котором говорится о том как жители Уммы, не заплатив всей обещанной Эаннатуму дани, уничтожили пограничные знаки и заняли спорную территорию на поле Гуэден, поэтому лагашцы были вынуждены начать боевые действия. Вот фрагмент этого текста, переведенный знаменитым американским шумерологом Сэмюэлом Ноем Крамером: «Энлиль, царь всех земель, отец всех богов, определил границу для Нингирсу (бога-покровителя Лагаша) и для Шара (бога-покровителя Уммы) своим нерушимым словом и Месилим, царь Киша, отмерил ее по слову Сатарана [и] воздвиг там стелу. [Однако] Уш, ишакку Уммы, нарушил решение [богов] и слово (то есть договор между людьми), вырвал [пограничную] стелу и вступил на равнину Лагаша. [Тогда] Нингирсу, лучший воин Энлиля, сразился с людьми Уммы, повинувшись его [Энлиля] верному слову. По слову Энлиля он набросил на них большую сеть и нагромоздил по равнине здесь и там их скелеты. Эаннатум, ишакку Лагаша, дядя Энтемены, ишакку Лагаша, определил границу вместе с Энакалли, ишакку Уммы; провел [пограничный] ров от [канала] Иднун в Гуэдинну; надписал стелы вдоль рва; поставил стелу Месилиму на ее [прежнее] место...»

Победа правителя Лагаша над уммитами увековечена на знаменитой «Стеле коршунов», изображающей боевой поход войска лагашцев во главе с правителем, едущим на колеснице. Свое название эта стела, семь фрагментов которой хранятся ныне в Лувре, получила в честь одного из присутствующих на ней изображений – поля битвы, на котором коршуны терзают трупы погибших врагов, унося их головы, руки и ноги. На стеле изображен также бог Лагаша Нингирсу, поймавший в сеть жителей Уммы. Надпись на стеле сообщала об истреблении 3600 вражеских воинов¹, прославляла победу правителя Лагаша над уммитами и провозглашала восстановление справедливого порядка вещей: «Я – Эаннатум – на Умму, подобно злому ветру ветров, потоп наслал... Людей Уммы оружием поразил, горы трупов насыпал. Эаннатум – Добрый плакальщик, найденный Шуль-Утулем... Я – Эаннатум – для Нингирсу чужие земли разрушил, Нингирсу его любимое поле Гуэден в руки вернул. Человеку Уммы я – Эаннатум – большую сеть Энлиля дал, на ней он присягнул. Человек Уммы Эаннатуму (так) присягнул: „(Клянусь) жизнью Энлиля, Царя небес и земли!“ Вовеки, никогда границу Нингирсу я не перейду! (Русло) канала никогда я не изменю! Стелу эту никогда (из земли) не исторгну! Если (клятву) я нарушу – пусть большую сеть, на которой присягал я, Энлиль, Царь небес и земли, на Умму с небес набросит!».

¹ Отметим, что число 3600 отнюдь не может быть точным количеством погибших воинов. Поскольку шумеры использовали шестидесятеричную систему счета, оно может в данном контексте обозначать «многие тысячи погибших».

Результаты войны были закреплены древнейшим в мире межгосударственным договором, определившим условия заключения мира и границы между странами. Итогом победы над Уммой стало расширение подвластных Лагашу земель и обложение уммийцев данью в 300 тыс. литров ячменя в пользу лагашских храмов богов Нанше (Нази) и Нин-Нгирсу. Кроме того, как гласит надпись «Конуса Энметены», новый правитель Уммы по имени Энакалли был вынужден присягнуть на верность властителю Лагаша. На время войны Эаннатум получил титул лугалья, подтверждавший получение экстраординарных полномочий полководца, однако как до, так и после нее титуловался «энси». Впрочем, победа над Уммой не прошла для правителя Лагаша бесследно, и в дальнейшем в его титулатуре появляется утверждение о родстве с богами: «Эаннатум, энси Лагаша, имя, призванное (богом) Энлилем, наделенный силой (богом) Нин-Нгирсу, избранный (богиней) Нанше, вскормленный священным молоком (богини) Нинхурсанг, названный добрым именем (богиней) Инаной, наделенный разумом (богом) Энки, любимый (богом) Думузи, слуга (бога) Хендурсанга, любимый друг (бога) Лугальуруба».

Возрастание личной значимости Эаннатума, а также сложившаяся после победы над Уммой благоприятная внешнеполитическая конъюнктура позволили правителю Лагаша продолжить боевые действия на других направлениях и захватить Ур, Урук, Киш, Ларсу, Эреду и Адамдун, один из наиболее значимых городов Элама. На восточном ответвлении Евфрата Итурунгале правителю Лагаша покорился город Адаб. Все это говорит о том, что Лагашу в это время удалось вырвать у Ура право на первенство в стране. Успешные завоевания привели к установлению господства Лагаша над страной, Ур потерял былое значение, и теперь уже Эаннатум стал титуловаться «лугалем Киша», то есть верховным правителем всей страны, хотя, как уже отмечалось, в родном городе он должен был довольствоваться титулом энси.

Закрепить успех, впрочем, не удалось, и около полувека спустя противостояние Лагаша и Уммы за спорные территории – поля Гуэден – возобновилось, боевые действия повторились. Правителем Лагаша в это время стал Энметена, имя которого, измененное во время принятия власти, обозначало «повелитель по своему предназначению». В любом случае, при всех ограничениях на монополизацию власти правителем, исходивших от традиционных элементов шумерской «демократии» – совета старейшин и народного собрания – единоличная власть Энметены как правителя существенно возросла. Именно в отношении его впервые зафиксировано сообщение о получении «скипетра определения судьбы» из рук самого бога Энлиля, произошедшее в городе Ниппуре: «Высокий скипетр определения судьбы Энлиль от Ниппура Энметене даровал». Надпись сообщает, что Энметена был избран «рукой бога» из «3600 мужей». Церемония утверждения власти в главном культовом центре Шумера не только удостоверяла законность властвования правителя, но и заявляла о его претензиях на господство над всей страной. Видимо, это произошло уже после того, как Энметена был поставлен на власть в самом Лагаше: «Когда Нанше Энметене царскую власть [над] Лагашем даровала...»

События второй войны Лагаша с Уммой во время правления Энметены, подобно первому конфликту, также описаны в надписи на глиняном конусе. В нем сообщается, что противником лагашского правителя в борьбе за поля Гуэден выступил уммийский лугаль Ур-Лума, сын Энакалли. Надпись свидетельствует: «Энметена, ишакку Лагаша, чье имя изрек Нингирсу, провел этот [пограничный] ров от Тигра до [канала] Иднун по нерушимому слову Энлиля, по нерушимому слову Нингирсу [и] по нерушимому слову Нанше [и] восстановил его для своего возлюбленного царя Нингирсу и своей возлюбленной царицы Нанше, соорудив из кирпича основание для Намнунда-кигарры. Пусть Шулутула, [личный] бог Энметены, ишакку Лагаша, которому Энлиль дал скипетр, которому Энки [шумерский бог мудрости] дал мудрость, которого Нанше хранит в [своем] сердце, великий ишакку Нингирсу, получивший слово богов, будет заступником, [молясь] за жизнь Энметены перед Нингирсу и Нанше до самых отдаленных времен!

Человек из Уммы, который [когда-либо] перейдет пограничный ров Нингирсу [и] пограничный ров Нанше, чтобы силой завладеть полями и хозяйствами – будь то [действительно]

гражданин Уммы или чужеземец, – да поразит его Энлиль, да накинет на него Нингирсу большую сеть и отпустит на него свою могучую длань [и] свою могучую стопу, да восстанут на него люди его города и да повергнут ниц посередине его города!» А с Уром и Уруком в это время поддерживались мирные отношения – Энметена называет урского лугалья и урукского эна Лугалькингенешдуду «братом».

Во внутренней политике Энметена провел ряд реформ, направленных на установление социальной справедливости в стране. Сам он назвал их «ама-р-ги» – «освобождение», и заключались они в прощении долгов и недоимок подвластному населению. По всей видимости, эта отмена долгов сопровождалась некоторым временным ослаблением повинностей и снижением сборов, а также определенными законодательными реформами, состоявшими, видимо, в возврате к пришедшим в упадок и забвение прежним обычаям и традициям. По крайней мере, в восприятии самого Энметены и его современников это было обращением к старым добрым порядкам, некоему золотому веку Шумера. В основе его реформ лежит категория «ама-ги» – «возвращения к матери». Вот как сказано об этом в тексте о реформах: «Возвращение к матери в Лагаше он установил. Мать к сыну вернулась, сын к матери вернулся. Возвращение к матери для выплаты долгов по зерну в рост он установил. Тогда Энметена богу Лугальэмушу храм Эмуш в Бад-Тибири... построил, на место его вернул. Для сыновей Урука, сыновей Ларсы, сыновей Бад-Тибиры возвращение к матери он установил: к Инанне в Урук вернул, к Уту в Ларсу вернул, к Лугальэмушу в Бад-Тибиру вернул».

Впрочем, в самом же Лагаше победитель Уммы не был единоличным полновластным хозяином, деля власть с неким Дуду, верховным жрецом главного бога-покровителя города Нин-Нгирсу. Дуду имел право на составление надписей от собственного имени и даже датировка документов иногда производилась не только по имени Энметены, но одновременно содержала также имя верховного жреца. Постепенное усиление роли жреца в государственной иерархии привело в итоге к тому, что храмовые хозяйства богов города – Нин-Нгирсу, его жены Бабы и их детей Шульшагана и Игалима – было объединено с личным хозяйством энси. Это началось уже при жреце Дуду и было окончательно завершено при его преемниках – Энентарзи (вероятно, сын Дуду), который также стал энси, и его наследнике Лугальанде. В полной безраздельной собственности верховного жреца и его семьи оказалось около двух третей пахотной земли Лагаша, существенно возросли денежные и натуральные поборы с мелкого жречества и с зависевших от храма лиц. Известно также об увеличении государственных трудовых повинностей, налогов и сборов, которые шли на содержание непомерно разросшегося государственного аппарата. Поскольку в конечном итоге основными налогоплательщиками были рядовые общинники и ремесленники, все возросшие поборы ложились на их плечи.

Возросший экономический гнет негативно сказался на благосостоянии общинников Лагаша, привел к их обеднению и даже обнищанию. Документы того времени свидетельствуют, что многие лагашцы находились в долговой зависимости от представителей местной знати, а некоторые были даже вынуждены продавать собственных детей в рабство. Кстати говоря, шумерское законодательство, относящееся к более позднему времени, свидетельствовало об исключительной, практически неограниченной власти родителей над детьми: «Если сын скажет своему отцу: «ты мне не отец», то тогда его обрить, положить клеймо раба и продавать за деньги. Если сын скажет своей матери: «ты мне не мать», то надо обрить его, вести по городу и затем изгнать из дома. Если отец скажет сыну: «ты мне не сын», он (сын) теряет дом и стены. Если мать скажет своему сыну: «ты мне не сын», он теряет дом и утварь».

Итак, из-за концентрации доходов в руках жреческой и чиновничьей верхушки в разы увеличился экономический разрыв между простолюдинами и знатью. Социально-экономическое расслоение общества дополнялось непопулярными отменами древних обычаев и попросту произволом чиновников. При этом правившие страной энси использовали накапливавшиеся в их руках материальные ценности преимущественно для обогащения собственных семей

и не уделяли должного внимания даже такой важной статье государственных расходов, как поддержание обороноспособности и укрепление военной мощи города. В условиях постоянной борьбы городов-государств за власть над Двуречьем последнее было особенно тревожным.

Сохранившиеся тексты так описывают чинившиеся несправедливости и то, что мы назвали бы коррупцией: «С прежних дней, издавна – тогда корабельщик пользовался ладьями, ослиами пользовался главный пастух, баранами пользовался главный пастух, рыболовными сетями пользовался надзиратель рыбаков; ...пастухи рунных баранов за белого барана должны были выкладывать там серебро; землемер, главный певчий, абриг, изготовитель пива и благовоний и все (артельные) старосты (храмового персонала) за... ягненка должны были выкладывать там серебро». Государственными служащими и жрецами нарушалось право частной собственности: «Назначаемый (правителем?) жрец-санга в саду соседа мог рубить из его деревьев и забирать у него плоды». В особо крупных размерах и наиболее очевидно служебным положением злоупотреблял верховный жрец энси: «Волы богов возделывали огород энси, на лучшем поле богов были огород и бахча энси; упряжные ослы, рабочие волы отбирались у всех жрецов-санга, ячмень всех жрецов-санга раздавался людьми энси. ...Дом энси был объединен с полем энси, до „женского дома“ (храм богини Бабы) – с полем „женского дома“, дом „детства“ (храм богов – детей бога Нин-Нгирсу) – с полем „детства“».

Сложившаяся в Лагаше социально-экономическая и политическая обстановка неминуемо вела к социальному взрыву, который не заставил себя долго ждать. Энси Лугальанда был низложен и смещен, а к власти пришел его родственник по женской линии, муж сестры жены энси – Уруинимгина.

Как бы то ни было, около 2318 г. до н. э., опираясь на поддержку широких слоев населения, Уруинимгина получил верховную власть над Лагашем. Его надпись традиционно утверждает, что произошло это по воле и при прямом вмешательстве богов: «Нингирсу, воин Энлиля, даровал Уруинимгине царство над Лагашем и дал ему власть над 10 сарами людей» (10 сар составляли 36 тысяч человек). Однако правление Уруинимгины было непродолжительным – всего около 6–7 лет (2318–2312 гг. до н. э.), но стало одним из наиболее запоминающихся в истории Раннединастического периода. Произошло это благодаря масштабным реформам, проведенным правителем в интересах подавляющего большинства жителей Лагаша. «Было рабство в стране, – говорит сам Уруинимгина в одной из своих надписей, – и не стало его».

Сведения о реформах Уруинимгины содержатся в записях на трех больших глиняных конусах, два из которых сохранились до наших дней в хорошем состоянии. Согласно этим сведениям, правитель Лагаша уменьшил плату, взимаемую жрецами с общинников за проведение религиозных обрядов, отменил ряд налогов, взимавшихся с ремесленников, отменил поборы с жрецов и наиболее значимых представителей храмовой администрации. Была вдвое увеличена оплата труда свободных общинников, работавших на храмовых полях. Возможно, это была щедрая плата общинникам за поддержку государственного переворота. С другой стороны, втрое было сокращено число тяжеловооруженных воинов, большинство из которых, как можно предположить, до последнего поддерживали Лугальанду. Правда, оставшимся из них в четыре раза увеличили содержание, что, вероятно, также может расцениваться как плата за переход на сторону зачинщиков переворота. Наиболее же важно то, что Уруинимгина ограничил произвол чиновников, запретив им отчуждать в свою пользу часть доходов от пользования ладьями, от стад и рыбной ловли, а земли храмов городских богов (Нин-Нгирсу, Бабы и их детей) изъял из собственности семьи энси и вернул в храмовое владение. Используя современные аналогии, мы могли бы назвать это возвращением незаконно присвоенного государственного имущества.

Были также приняты законы против убийства, грабежа, воровства, краж со взломом, долговой кабалы, отменены продажи в долговое кабальное рабство. Особо отметим постановления, направленные на защиту частной собственности, которую стремились заполучить чинов-

ники с использованием служебного положения и давления на подчиненных. Законы требовали обязательной добровольности сделки со стороны зависимого лица и полновесной оплаты за отчуждаемое имущество от его начальника: «Если дом начальника прилегает к дому шуб-лугалы (держателя служебного надела) и этот начальник скажет: „Я хочу (его) у тебя купить“, то, когда он будет у него покупать, пусть (шуб-лугала) скажет: „Отвесь мне хорошее серебро по моему желанию... ячменя за это насыпь мне“; а когда он у него не сможет купить, то этот начальник шуб-лугалу не должен гневаться». Завершает документ утверждение о том, что Уруинимгина позаботился о том, чтобы влиятельные, могущественные люди Лагаша не притесняли и не обижали «сирот и вдов»: «Чтобы сироте и вдове сильный человек ничего не причинил, он заключил с Нин-Нгирсу этот завет».

Подобно Энметене Уруинимгина также называет предпринятые им преобразования «возвращением к матери» и заявляет, что установленный им новый порядок – не что иное, как «нам-тар-ра уд-би-та» – «прежнее определение судеб», то есть возвращение к старым добрым традициям, существовавшим ранее, до того, как нравы людей и правителей были испорчены. Таким образом, при всей яркости реформ, предпринятых лугалем Лагаша, их значение не следует преувеличивать – они были не попыткой преобразовать общество на действительно новых началах, а лишь стремились возобновить прежние обычаи и установления. Более того, большинство представителей государственной и храмовой администрации сохранили свои посты и, соответственно, социальный вес и влияние, причины обеднения общинников и роста долговой кабалы устранены не были, земли во владение храмов были возвращены во многом лишь номинально. Характерна в этом отношении судьба Лугальанды, низложенного предшественника Уруинимгины. Бывший «великий энси» зажиточно жил в имении близ Лагаша вплоть до последних лет правления Уруинимгины, а жена отстраненного от власти жреца получала в первые годы после переворота «почетные дары». Когда же на втором году правления Уруинимгины она умерла, то была похоронена с высочайшими почестями и с участием в церемонии погребения двухсот жрецов. Низложение, с учетом этих фактов, выглядит совсем не как революция, а как фактически добровольное самоустранение от власти в обмен на гарантии личной безопасности и возможность продолжить жизнь в качестве частного (и весьма зажиточного!) лица, да еще и с выплатой содержания из государственной казны.

Во многом проведенные преобразования были попыткой вернуть или сохранить старые порядки, затормозить неостановимый процесс общественной эволюции. Показательна в этом плане попытка восстановить прежнюю подотчетность общинников суду местных общинных старост, а не государственных чиновников: «Начиная с северной границы области Нин-Нгирсу вплоть до моря чиновники суда не вызывали больше людей».

В любом случае, Лагаш действительно достиг процветания в правление Уруинимгины, в нем было построено множество каналов, храмов и дворцов, укреплены оборонительные стены города. Казалось бы, столь успешно начавшееся правление должно было привести к длительному периоду устойчивого процветания города, но его расцвет был прерван очередной войной с давним врагом – городом Уммой, в которой Уруинимгина потерпел поражение. Так называемый «Плач по Лагашу» (или «Плач об Уруинимгине»), составленный сочувствующим лугалю Лагаша автором, описывает вторжение уммийцев: «Люди Умма бросили огонь в Эникалу, подожгли (храм) Анташурра, унесли серебро и драгоценные камни, потопили в крови дворец Тираш, в храме Абзибанди, в святилищах Энлиля и Баббара они пролили кровь... унесли зерно с Гинарбаниру, поля бога Нингирсу, которое было обработано. Люди Умма, опустошив Лагаш, согрешили против Нингирсу. Могущество, пришедшее к ним, будет у них отнято. Царь Гирсу Уруинимгина не грешен в этом. Что же касается Лугаль-заггеси, энси Уммы, то пусть его богиня Нисаба несет на своей главе бремя греха его».

Покорителем Лагаша стал Лугаль-заггеси, сын жреца-очистителя Уммы. Можно лишь предполагать, что подтолкнуло его к началу завоеваний – стремление покончить с лагашцами

за прежние поражения и вернуть спорные территории, обеспокоенность реформаторской деятельностью Урунимгины и опасения попыток «перенять успешный опыт» представителями местной оппозиции или же традиционное желание стать во главе всего Двуречья. Последнее, по всей видимости, ближе всего к истине, ведь еще до завоевания Лагаша твердой руке уммийского лугалья покорились Ур и Урук, Адаб и Ларсу, Киш и Ниппур. Причем происходило это как путем боевых действий и побед Уммы, так и добровольно. Видимо, успехи Лугаль-заггеси были обусловлены назревшей к этому времени необходимостью объединения Двуречья, создания общей для всей страны ирригационной системы, а также необходимостью упорядочить и обезопасить международную торговлю на юге через Персидский залив с Индией и на севере через верхнюю Месопотамию с Сирией и Малой Азией. В одной из своих крупных надписей на votivном каменном сосуде в Ниппуре Лугаль-заггеси так описывает свою успешную завоевательную политику: «Энлилю. Лугаль-заггеси, царь Уруку, царь земли, жрец бога Ану, слугитель Нисабы, сын Укуша, исака Умма... Энлиль, владыка мира, дал ему царство страны (Шумера).

Он покорил его силе земли, и он овладел от Востока до Запада, он уравнивал ему путь от Верхнего до Нижнего моря через Евфрат и Тигр». Под «Верхним и Нижним» морями имеются в виду Средиземное море и Персидский залив. В другом месте правитель горделиво заявлял о своих достижениях, утверждая, что «он дал Уруку заблестать от радости, подняв голову Ура, как голову быка, до самого неба, наградил Ларсу, любимый город Баббара, водою радости Умму, любимый город бога... поднял до высокого могущества».

В другой надписи, сохранившейся до наших дней в нескольких экземплярах, Лугаль-заггеси титуловался «лугалем Ура и лугалем Страны», что свидетельствует о претензиях правителя Уммы на установление власти над всем Шумером. Видимо, завоевателю действительно удалось своеобразным образом «объединить» Южное Двуречье, но это было не созданием единого централизованного государства, а скорее напоминало военно-политические союзы отдельных городов-государств. Каждый ном по отдельности признавал Лугаль-заггеси верховным правителем, но при этом они не объединялись в единое целое и не отказывались от собственных управленческих структур. Главной же его задачей было создание общей ирригационной сети всего Двуречья – единственного, что несомненно объединяло разрозненные и внутренне самостоятельные города. Надпись Лугаль-заггеси гласит: «Когда (бог) Энлиль, хозяин всех земель, дал Лугаль-заггеси лугальство над Страной (Калам), тогда... все земли он успокоил, для страны он провел радостную воду; все святилища Шумера, энси всех земель и „ном” (ки) Урука ставят его своим верховным волхвом (ишиб)».

Согласно данным «Царского списка», в целом правление Лугаль-заггеси продлилось около четверти века (с 2336 г. до н. э.). Около 2312 г. до н. э. ему пришлось столкнуться с новым грозным противником, пришедшим с севера, под ударами которого бывшее достаточно рыхлым объединение шумерских городов-государств рухнуло. Этим врагом стал Саргон, правивший около 2316–2261 гг. до н. э. К имени этого царя уже в древних источниках и, впоследствии, в научной литературе прилагалось сразу три эпитета – Древний, Первый, Аккадский.

Саргон – искаженное произношение тронного имени Шаррум-кен («царь – истинен»), принятого правителем после воцарения. Необходимость подчеркивать в самом имени легитимность своей царской власти была, судя по всему, обусловлена нецарским и даже неаристократическим происхождением Саргона, изначальное имя которого нам неизвестно. Действительно, информация о рождении и юных годах этого правителя больше похожа на легенду чем на родословную. «Сказание о Саргоне» гласит:

Я – Шаррукен, царь могучий, царь Аккада,
Мать моя – жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,

Град мой – Ацупирану, что лежит на берегах Евфрата.
Понесла меня мать моя, жрица, родила меня в тайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
Акки, водонос, меня садовником сделал.
Когда садовником был я, – Иштар меня полюбила,
И пятьдесят четыре года на царстве был я.
Людьми черноголовыми я владел и правил,
Могучие горы топорами медными сравнивал я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Страну морскую трижды осаждал я.

Предание повествует, что Саргон был незаконным сыном энитум («жрицы священного брака»), которая имела право рожать детей, но лишь в рамках ритуала священного брака с богом, роль которого выполнял правитель города. Необходимость избавиться от ребенка могла быть вызвана тем, что жрица зачала его вне храма и ритуала и, следовательно, совершила преступление. Поместив младенца в запечатанную смолой тростниковую корзинку-лодчонку и предав ее воле волн Евфрата энитум не только сокрыла свой грех, но и запустила цепь событий, оказавших колоссальное влияние на историю всей Месопотамии. Ребенка спас «садовник, чашеносец Ур-Забабы», лугалья Киша, по имени Акки, который вырастил приемыша как собственного сына и обучил своему ремеслу садовника и водоноса. Это позволило будущему великому властителю поступить в услужение кишскому правителю в качестве виночерпия. Предание сообщает, что именно в это время его отметила своим вниманием богиня любви Иштар (шумерская Инанна), которая возжелала оказать ему особую милость, возведя на царский трон города Киша. Видимо, Саргон, действительно бывший одним из приближенных слуг – кравчим – лугалья Киша Ур-Забабы, получил власть над этим номом вследствие военного поражения Киша во время завоеваний Лугаль-заггеси.

Став лугалем Киша, который, как мы помним, издавна имел особое значение в плане претензий на власть над северной частью Двуречья, Саргон не преминул воспользоваться сложившимся положением. Вскоре он подчинил своей власти все северные города и стал титуловаться «лугаль Страны» и «лугаль Аккада» – новой столицы, основанной им между Тигром и Евфратом. Точное местоположение этого города до сих пор неизвестно, однако неоспоримо, что он находился севернее Шумера и стоял на реке или крупном канале, поскольку к нему имели доступ речные суда. Завоевателю удалось также покорить находившиеся на юге земли, однако остальной юг Двуречья продолжал оставаться под властью Лугаль-заггеси. Некоторое непродолжительное время властители правили своими землями параллельно, однако вскоре, прочно закрепившись на севере Двуречья, в Аккаде, Саргон обратил свое внимание на богатый юг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.